

— С 18 по 23 октября я снова в Москве - в ИЗМИРАНе на секции и, главным образом, в редакции с Людмилой Евгеньевной, сидели, правили текст дальше. Приятная работа, да плюс сидим перед широким окном с панорамой окрестностей, не очень уж симпатичных, но зато хорошо просматриваемых и вдаль, и вширь. Правда, всю эту неделю над Москвой висел жуткий туман, аэропорты были закрыты, и картина за окном временами почти полностью исчезала, но и прояснения бывали, разной степени причём, разнообразя тем самым законный пейзаж.

— Из-за этого тумана не смогли попасть в Алма-Ату на Всесоюзную конференцию по распространению радиоволн все московские участники, составлявшие большинство докладчиков. Так что провинциальные слушатели собрались в Алма-Ате, а столичные мэтры остались в Москве со своими докладами.

— Из-за тумана же случилась жуткая авария на участке Калужского шоссе между Москвой и ИЗМИРАНОм - служебный автобус, ПАЗик, набитый попутным народом из Академгородка, на мосту через Десну столкнулся со встречным "Жигулёнком" и, пробив перила, слетел в реку с высоты метров в семь. Сколько-то человек погибло, сколько-то спаслось. Я ехал в Москву примерно через полчаса после этой аварии. Выйди из ИЗМИРАНа на полчаса раньше - мог бы и в этом автобусе оказаться.

16 апреля 1988 г., кирха

28 октября интересный посетитель появился в кирхе, кто-то направил его ко мне: врач-окулист из многопрофильной больницы, что на Летней улице в Балтрайоне. Любитель физики. Открытие сделал, хочет опубликоваться, но не знает под чьим прикрытием, от какой организации (требуется же акты экспертизы!).

Я поинтересовался, что за открытие. Оказалось - ни много, ни мало, а опровержение общей теории относительности Эйнштейна, а заодно и закона Всемирного тяготения Ньютона. Наконец-то явился гений и построил общую теорию поля, во всяком случае объединил гравитацию и магнетизм. Безо всякой там математики. Чисто логически.

Посетитель волновался и говорил очень воодушевлёно, но нёс чушь. А на вид нормальный, симпатичный даже парень лет тридцати пяти. Я сначала подумал, что это просто хобби дилетанта, а чушь от неграмотности, но посетитель произнёс фразу:

- У меня, как осень, так шарики сразу забегают, закрутятся в голове, мысли роятся всякие, - и я почувствовал, что тут больше на болезнь, чем на хобби похоже.

Но расстались мы дружески. Я ему Фейнмана рекомендовал почитать, если уж он так математику не любит, проверить свои рассуждения, которые мне кажутся неверными. Вернее, не кажутся, - я уверен в их неправильности, но убедить его, похоже, не в состоянии. Так, может, ему Фейнман более убедительным покажется. Сплавил, короче, товарища к Фейнману.

— 22 апреля 1988 г., кирха

Вся КМИО у 1-го здания перед ноябрьскими праздниками 1987 г.

Подошли ноябрьские праздники, а с ними нашему деду Андрею юбилей - 70 лет. Отметить его приехали Милочка с Любкой. Договорились об этом съезде ещё летом в Севастополе.

Милочка приехала загодя, за неделю - 31 октября. Специально отложила себе от отпуска несколько дней, чтобы просто побыть в Калининграде - городе детства, навестить подругу, Татьяну, на кладбище сходить к маме на могилку, мемуары мои почитать.

Я поехал её встречать в аэропорт и неожиданно для себя опоздал: самолёт прибыл раньше расписания минут аж двадцать (Сашуля, кстати, меня выгоняла из дому, а я не мог от газеты оторваться - успею, мол). Последние пассажиры с симферопольского рейса, уже получившие багаж, садились в автобус. Я вскочил в него, но Милочку не увидел. Правда, автобус был забит пассажирами и вещами, поэтому я на всякий случай вылез и обошёл автобус, заглядывая в окна, - Милочки не видать. Уехала на предыдущем? Ничего не оставалось делать, как вернуться в Калининград восвояси. Ну, Сашуля мне задаст!

Я снова залез в автобус и всю дорогу пытался разглядеть - нет ли там, сзади, Милочки? Моё внимание привлекала голова женщины с причёской, как у Милочки, сидевшей спиной по ходу движения автобуса у задней двери, а я стоял у передней. Я так и таранился всю дорогу на эту голову, ожидая, когда она повернётся хотя бы вбок, чтобы разглядеть профиль. Уже в Калининграде я своего дождался, и это, действительно, оказалась Милочка. Я полез к ней сквозь груды людей и вещей и удивил её своим появлением.

- Саня! Ты как здесь оказался?

- Тебя встречаю.

- Во даёшь!

В программу развлечений для Милочки мы включили культпоход в кино: загодя взяли билеты на "Полёт над гнездом кукушки" Милоша Формена (по рекомендации, кстати, Иринки; они с Димой смотрели и им фильм очень понравился). В кино мы с Сашулей теперь ходим крайне редко, всего несколько раз в год, и стараемся ерунду всякую не смотреть. И в этот раз угадали с выбором. Фильм произвёл сильное впечатление. Николсон бесподобен!

Люба и Ирина приехали 7 ноября, одна за другой с интервалом в час, первая - "Янтарём", вторая - ленинградским поездом. Мы с Митей и Милочкой пробирались их встречать сквозь колонны демонстрантов, обратно все пятеро шли пешком - транспорт ещё не ходил.

Любка собралась в Калининград в последний момент. Летний энтузиазм осчастливить

деда своим появлением у неё к осени поостыл, и она попыталась увильнуть от визита. Позвонила мне, спрашивала, когда я буду в Москве, чтобы передать со мной подарок для деда, но я её пристыдил, сообщил, что Милочка приезжает, а ей, Любке, небось, денег жалко на дорогу, так у неё, слава Богу, муж доктор уже, что она жмотничает?

— По дороге с вокзала домой я расспрашивал Иринку, как у них там дела с Димой идут, как учёба? Выяснилось, что у Иринки всё в порядке, а у Димы уже хвосты накопились, занятия пропускает. Утром встать не может, а вечером допоздна в шахматы режется, и она с ним ничего поделывать не может. Эдак его и к сессии не допустят. Вот охломон! Ну и чёрт с ним. Выгонят - пусть обратно в Калининград возвращается, сына нянчить, Иринке только спокойнее учиться будет.

— К обеду все собрались у деда. Кроме детей, невестки, внука, внучки и правнука были ещё внучкины свёкр и золовка - Михалыч и Таня, сестра Димы. Надежда Григорьевна отдыхала где-то в санатории. За столом Любка рассказывала о Жоркиных впечатлениях о поездке в Америку. Он там семинарил в каком-то курортном местечке для миллионеров и от всего, конечно, в восторге.

— Сытный юбилейный обед, перешедший потом в ужин, прошёл, слава Богу чинно, - ни с отцом, ни с Михалычем я ни в какие политические споры не вступал.

Идём к деду на юбилей 7 ноября 1987 г.

Дед с детьми, внуками и правнуком 7 ноября 1987 г.

Дед с Тamarой Сергеевной 7 ноября 1987 г.

— 27 апреля 1988 г., кирха

— А поздно вечером, вернувшись домой и уложив спать Мишу, Митю и Милочку (она улетала рано утром восьмого), мы собрались на кухне попить чаю - я, Сашуля, Иринка и

Любка. И тут я вспомнил про дневной разговор по телефону с тётёй Тамарой. Я позвонил Бургвицам, чтобы поздравить их с праздником, заодно рассказал, как с космонавтом пьянствовал. Тётя Тамара поблагодарила за поздравления, сказала, что дядя Вова, слава Богу, ничего сейчас, тьфу-тьфу, неплохо себя чувствует, поздравила всех нас и деда с юбилеем, и особенно просила пожалеть и побережь Ириночку.

— Тут её голос задрожал, чуть в плач не срывается, мол, Ириночка у вас несчастная, бедненькая, такая хорошая, а так ей не повезло, из чего я сразу понял, что Иринка недавно ей жаловалась, небось, на Диму, или, во всяком случае, рассказывала про его выходки и про их взаимоотношения. Впечатлительная тётя Тамара, разумеется, восприняла это как трагедию, тем более что к Диме у них с дядей Вовой так и осталось неважное, мягко скажем, отношение, а к Иринке, напротив, очень сердечное.

— Вот об этом телефонном разговоре я и заговорил сейчас, обращаясь, главным образом, к Ирине. Стал ей выговаривать, нотацию читать: нечего, мол, жаловаться, особенно Бургвицам. Мало ты им нервов потрепала? В дяди Вовины инфаркты и ты ведь свою лепту внесла, сколько они за тебя переживали, когда ты от них к Диме убегала? А теперь на него же и жалуешься?! После того как я вас развёл, растащил, ты же сама снова к нему вернулась! И после майских его фокусов, когда вы разводиться собрались, да опять помирились, тебя кто неволил? Чего же теперь жаловаться? На свой же собственный выбор? Ты бы лучше Бургвицев пожалела, а не себя, да и родителей своих тоже, которые с твоим дитём нянчатся да за тебя переживают. Так что и нам нечего жаловаться тоже! Можно подумать, что тебя силком замуж выдавали!

— Иринка стояла, прислонившись к столу между раковиной и плитой, молчала в течение всей моей длинной гневной тирады, оцепенело уставившись на меня. И вдруг с ней случилось что-то, что ужасно напугало меня. Она словно бы попыталась что-то сказать, возразить, но слова застряли где-то в груди, она захлёбывалась то ли словами, то ли рыданиями, ей не хватало воздуха, она издавала какие-то нечленораздельные звуки, глаза её выпучились, и она стала оседать на пол.

— Я подскочил к ней, подхватил, похлопал по щекам, Сашуля с Любкой стали отпаивать её водой, догадались - припадок истерический. Через минуту-другую суматохи Иринка уже только всхлипывала, прижавшись ко мне, а я гладил её по спине и бормотал:

— Доченька, прости меня, дурака! Кому же тебе ещё и пожаловаться, как не родителям. Жалуйся, жалуйся на здоровье, сколько влезет. Это на меня чего-то нашло. И с охломоном своим - как хочешь. Хочешь - живи, хочешь - разводишься. Лучше бы вам, конечно, подладиться друг к другу, сын как-никак есть. Ну, а не сможете, - разводитесь, тебя мы не осудим. Ясно, что с ним тяжело.

— Сошла парочка - истеричка да шизоид, - пробормотала Иринка, уже успокаиваясь.

— Часто с тобой припадки такие бывают? - спросил я.

— Да было уже, раза два.

— Да, весёлая история. Несчастный в самом деле ребёнок. Не жалуйся - сама виновата. Они с Димой оба хороши, два сапога - пара. Всё вроде бы верно. Но ведь это и а ш ребёнок, нами рождённый, нами воспитанный. Сама она, конечно, виновата. Но и мы с ней вместе - тоже.

— На следующий день рано утром я проводил Милочку на автобус в аэропорт, а вечером к нам пришёл Михалыч, и мы с ним перебрали изрядно напитка "Янтарь". Я разбушевался и Михалыча обидел, заявив, что он, как и все, задолбатор, ибо иначе и быть не может, раз он капитан.

— Досталось и Надежде Григорьевне как представительнице власти. Михалыч утверждал, что она честный работник, а я заявлял, что если бы она была честным работником, то Димка сейчас бы в армии служил, а Мишка в ясли фиг бы попал.

— Михалыч обиделся и ушёл, хоть я его и удерживал и предлагал не брать в голову, а Сашуля жутко на меня рассердилась.

— 28 апреля 1988 г., кирха

— Будучи в дупель пьяным, я всё же не забыл сделать запись в дневнике погоды. В графе "облачность" записано нетвёрдым почерком "Тучи там были", а ниже, где отмечаются знаменательные события: "Я - потрошитель" - это Любка назвала меня потрошителем, всех выпотрошил.

— На следующий день я позвонил Михалычу по телефону и попросил прощения.

— Да брось ты, оба хороши были, - ответил он мне.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)